

УДК 82-34(571.56) : 130.1

К ТИПОЛОГИИ БРОДЯЧИХ СЮЖЕТОВ: МОТИВ ЗМЕЕБОРЧЕСТВА В РУССКОМ И ЯКУТСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

Л. Г. Кихней

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

В статье выявляется общий мотивный комплекс змеборчества в русском и якутском героическом эпосе. Выдвигается гипотеза о существовании общего литературно-мифологического пратекста, послужившего основой для русских былин и якутских олонхо.

Ключевые слова: *бродячий сюжет, мотив змеборчества, олонхо, былины, героический эпос.*

Известный якутский ученый И. В. Пухов отмечал типологическое и генетическое родство якутского олонхо с алтайским эпосом («Маадай Кара»), а также с героическим эпосом монгольских народов, в частности, с бурятским (эхирит-булагатским) «Гэсэром» [9, с. 84–141]. Однако при сравнении русских былин и олонхо выявляется разительное сходство некоторых сюжетно-образных моделей, характерных и для русского, и для якутского национального эпоса. Обратимся, в частности, к мотиву змеборчества, являющемуся одним из сюжетных стержней как в олонхо, так и в киевском цикле былин. Одним из центральных событий в этих эпических повествованиях является борьба богатыря (культурного героя) со змеем.

В целом образ Змея и мотив змеборчества в литературе и фольклоре был распространен довольно широко, и он, очевидно, уходил корнями в архаическую мифологию [1, с. 483–600; 8, с. 182–240]. Но в средневековье этот мотив обрел некий структурный стержень и стал одним из архетипических (согласно А. Веселовскому, бродячих [4]) сюжетов, характерных именно для жанрового инварианта героического эпоса.

Не случайно в песнях «Старшей Эдды» схватка Тора с Мировым Змеем Ермунгандом играет огромную фабульно-смысловую роль, предвещая эсхатологическую развязку и гибель мира [11]. Е. М. Мелетинский пишет: «Это один из поединков асов с хтоническими чудовищами и великанами перед "концом мира" ("Прорицание вельвы"). Намеки у скальдов и отражение в эпитетах и кеннингах свидетельствуют о том, что битва Тора с мировым змеем была популярнейшей темой древнескандинавской мифологии и поэзии» [6].

Попробуем сравнить воплощение мотивного комплекса змеборчества в русском и якутском героическом повествовании, а именно – в былине «Добрыня Никитич и змей» и в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (воссозданном П. А. Ойунским [7]). Главные герои этих повествований выступают преимущественно как змеборцы.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров в статье о Добрыне Никитиче кратко излагают сюжет былины. Воспользуемся их пересказом для выделения основных структурно-содержательных звеньев: «Добрыня начал бороться со

змеиным племенем, когда "стал молоденький Добрынюшко Микитинец на добром коне в чисто поле поезживать... малых змеенышей потаптывать".

Для того чтобы совершить свой главный подвиг, он отправляется к Пучай-реке, где живет Змей Горыныч. Несмотря на предостережения матери, Добрыня вступает в воды реки, которая оказывается опасной герою. Ведь из первой струйки "огонь сечёт", из другой – "искра сыплется", из третьей — "дым столбом валит". Как только третья струя вынесла Добрыню на середину реки, прилетает Змей Горыныч, "дождит дождём" и сыплет огненными искрами на богатыря, оставшегося безоружным. Но Добрыня Никитич несколько раз ныряет вглубь реки, прежде чем оказывается на берегу, вступает в поединок со Змеем и побеждает его "шапкой земли греческой". Тот падает на сыру-землю, Добрыня хочет срубить "змеищу" головы. Змей вымалывает пощаду, но, пролетая над Киевом, похищает любимую племянницу князя Владимира – Забаву (Запаву) Путятишну. Князь Владимир поручает Добрыне Никитичу освободить её; он достигает "нор змеиных" (пещер), спускается в них, освобождает Забаву Путятишну, таким образом защищая не только девушку, но и всю землю Русскую» [5, с. 193–194].

Былина об этом бое, полагают Д. М. Балашев и Т. А. Новичкова, – «одна из самых популярных в русском эпосе, для исследователей же это один из самых загадочных сюжетов. Представители исторической школы исследования эпоса (В. Ф. Миллер, А. В. Марков) видели в этой былине символическое крещение историческим Добрынею новгородцев <...>. Колпак земли греческой, коим он отшибает головы змею, толкуется как монашеский куколь – символ христианства» [2, с. 49].

В «Нюргуне Боотуре Стремительном» мы находим тот же мотивно-образный комплекс. Так же, как в русских былинах, здесь богатыри в змеином облики несут в себе демоническое, разрушительное начало. А главное, мы видим разительные совпадения в антиномически организованном конфликте, который соответственно, реализуется в схожих «драматургических» приемах и сюжетных перипетиях.

Как в якутском, так и в русском героическом эпосе сюжетным ядром служит мотив похищения Змеем девушек, освободить которых идут богатыри, наделенные героическим самосознанием и готовые пожертвовать собой ради общего дела и защиты слабых. В обоих эпических повествованиях герой не умерщвляет Змея сразу: либо верит его обещаниям (как Добрыня), либо борется с несколькими ипостасями Змея и не может его до поры до времени победить, ощущая некое равновесие сил.

Знаменательно, что поединок со Змеем начинается с некоего вызова, «провокации»: Так, Добрыня топчет детенышей Змея Горыныча, чтобы вытащить его из норы, вызвать на бой. А в олонхо роль зачинщика сыграл юный богатырь, сын перволюдей, заселивших Средний мир, Кюн Дьырибинэ. Он хвалился своей силой, приглашая богатырей Верхнего и Нижнего миров сразиться с ним. Его похвальба имела фатальные последствия: три дня спустя к нему прилетает демон-богатырь абаасы Уот Усутаакы (в переводе – Огнеизвергающий), умеющий оборачиваться змеем. После недолгой схватки он побеждает Кюна Дьырибинэ и забирает его и его сестру, Туярымү Куо.

Другой злой богатырь из нижнего мира Есёх Харбыыр появляется в образе восьминогого чудища, едущего на трехглавом змее. Он похищает сестру Нюргуна Боотура Айталыын Куо и мгновенно исчезает. Нюргун Боотур тут же пускается в погоню, опускается в Нижний мир, где настигает похитителя близ Огненного моря. Сначала богатырь отрубает головы трехглавому змею, на котором ехал Есёх Харбыыр, потом отнимает у него Айталыын Куо и, обратив ее в комочек шерсти, вкладывает его в ухо своего коня, которого отсылает домой, приказав явиться к нему, как только его позовет. А самого злого богатыря Нюргун Боотур после тяжелой борьбы (и благодаря помощи своей старшей сестры, шаманки Айыы Умсуур) побеждает врага, сталкивая его с утеса в огненное море. Причем, если в киевской былине между змеем и Добрыней заключен договор, который нарушает Змей Горыныч, то в олонхо Уот Усутаакы сначала похищает Туярыму Куо (дочь перволюдей Среднего мира), а потом сестру Нюргуна Боотура – Туярыму Куо. И в том и в другом случае герой освобождает похищенных девушек, и вместе с ними людей, которых змей держал в плену.

Обратим внимание на переключку числовой символики в былине и олонхо:

Былина «Добрыня Никитич и Змей Горыныч»	Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»
Тогда Добрыня во нору пошел. Во тыи в норы да во глубокие, Там сидит <i>сорок царей, сорок царевичей,</i> <i>Сорок королей да королевичей,</i> А простой-то силы – той и сметы нет [3]	После освобождения Туярыму Куо и Кюня Дырибинэ Нюргун Боотур находит <i>сорок четыре богатыря</i> и освобождает их от волшебной веревки, которой они были привязаны [10].

Итак, мы видим, что змееборческий сюжетный комплекс как бы втягивает в себя множество частных мотивов, которые также образуют параллельные парадигмы.

Во-первых, в русском и в якутском эпических сказаниях образы Змеев семиотически отождествляются. Все они обладают множеством голов (чаще всего тремя), все обладают умением летать и изрыгать огонь. Вот как описан один из таких персонажей в олонхо: «...Огненный появился змей. // Шею длинную изогнув, // По сторонам огляделся он // И, вытягиваясь, // Извиваясь, // Выдохнул пламя, // Искры и дым. // А потом – // Пронзительным посвистом // Засвистал, // Покивал головой // И пропал...» [7].

Во-вторых, сразить змея помогают одни и те же помощники: верный конь, и в том и в другом случае понимающий человеческую речь, а в олонхо еще и умеющий говорить; близкая родственница героя. В былине – это мать Добрыни, в олонхо – сестра Нюргуна Боотура. В обоих случаях женщины обладают магическими умениями и всезнанием (в этом проявились, возможно, отголоски матриархата).

В-третьих, наблюдается сходство в пространственной организации схватки. Сражение со змеем идет и в том и в другом варианте эпоса то в горной местности: (в олонхо – на утесе, в русской былине – на сорочинской

горе), то в воде (в былине – в Пучай-реке; в олонхо – по над огненным морем). И в первом, и во втором случае водная субстанция наделяется огненными свойствами. Так, мать Добрыни Никитича наказывает ему: «Не купайся, Добрыня, во Пучай-реке, // Та Пучай-река очень свирепая, // А середняя-то струйка как огонь сечет» [3].

Чем же можно объяснить выявленное сюжетно-образное сходство? С одной стороны, можно предположить, что был некий первотекст (фольклорный, мифологический), в котором этот мотив реализовался. Подтверждением этого могут служить некоторые ономастические феномены, относящиеся к разным национальным эпосам, но имеющие между собой разительное фоно-семантическое сходство. Приведем только один пример:

Змеборец в «Старшей Эдде»	В олонхо	В Киевском цикле былин и в «Слове о Полку Игореве»
Тор	Боотур	Богатырь Буй-тур <Всеволод>

Однако, с другой стороны, подобное сходство может быть объяснено сходством ментальных структур, вызывающих схожие ассоциации, проецируемые и на реально-жизненные ситуации, укорененные в тропеической сфере языка и ритуала. Эти иносказательные или метафорические конструкции начинают выполнять параболическую функцию, становясь для писателей однотипными образно-смысловыми матрицами, легко идентифицируемыми читателями. Эти *совпадения* объясняются не фактом заимствования, а изоморфизмом ситуаций, сходством тематического материала и общими механизмами художественного мышления, оперирующего ментальными символами.

Список литературы

1. Афанасьев, А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян: Поэтические воззрения славян на природу [Текст]: в 3 т. – М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. – Т. 2. – 768 с.
2. Балашев, Д. М., Новичкова, Т. А. Русский былинный эпос [Текст] / Д. М. Балашев, Т. А. Новичкова // Былины : в 25 т. ; РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. – Т. 1 : Былины Печоры: Север Европейской России. – 2001. – С. 21–78.
3. Былины Киевского цикла Добрыня и Змей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ib.exdat.com/docs/1751/index-15342-6.html. – Дата обращения: 12.08.2013. – Загл. с экрана.
4. Веселовский С. Б. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/>. – Дата обращения: 01.09.2013. – Загл. с экрана.
5. Иванов, В. В., Топоров, В. Н. Добрыня Никитич [Текст] / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифологический словарь ; гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. Энциклопедия, 1998. – С. 193–194.
6. Мелетинский, Е. М. Эдда и ранние формы эпоса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet11/02.php). – Дата обращения: 23.08.2013. – Загл. с экрана.

7. Ойунский, П. А. Дьлуруйар Ньургун Боотур [Текст] / П. А. Ойунский. – Якутск : ИГИ, 2003. – 544 с.
8. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2002. – 333 с.
9. Пухов, И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия [Текст] / И. В. Пухов // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов) ; АН РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск, 2003. – С. 84–141.
10. Пухов, И. В. Ойунский, П. А. Олонхо «Ньургун Боотур Стремительный». Сюжет. Вариант 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.olonkho.info/ru/index.php>. – Дата обращения: 13.09.2013. – Загл. с экрана.
11. Старшая Эдда [Текст] // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М. : Художественная литература, 1975 [Библиотека всемирной литературы, т. 9]. – 770 с.

TOWARDS A TYPOLOGY OF STRAY STORIES: THE MOTIVE FIGHTING WITH A DRAGON IN RUSSIAN AND YAKUT HEROIC EPOS

L. G. Kikhney

Institute of international law and Economics them. A. S. Griboedov
The department of the history of journalism and literature

The article reveals the total complex of motive «Fighting with a dragon» in Russian and Yakut heroic epos. Hypothesis of the existence of a common literary and mythological underpinning the Russian bylinas and Yakut Olonkho.

Key words: *vagrant story, motive Fighting with a dragon, Olonkho, epic, heroic epic*

Об авторе:

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (107207, Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: lgkikhney@yandex.ru